

Цзян Чэн смутно ощущал, что в этом почти неподвижном взгляде скопилось слишком много невыразимых эмоций и чего-то ещё более глубокого и загадочного, настолько сложного, что его невозможно было распознать. Его сознание в данный момент не позволяло ему углубиться в смысл этого взгляда, а остатки рассудка предупреждали его, что нужно срочно заставить Гу Шэна уйти. Однако в тёмном уголке его души, который не мог видеть свет, тихо звучала мольба о жалости.

— Ты... — начал Цзян Чэн, оскалив зубы.

— Ты можешь опустить спинку сиденья? — спросил Гу Шэн.

Цзян Чэн замер.

Гу Шэн, похоже, не ожидал от него быстрого и разумного ответа и уже протянул руку, чтобы попытаться сделать это сам. Внезапно весь вагон содрогнулся, заставив Цзян Чэна вздрогнуть и мгновенно прийти в себя:

— Не надо! Не двигайся! Я попробую! Я попробую!

Гу Шэн затаил дыхание, отодвинувшись немного в сторону, и пристально наблюдал, как Цзян Чэн, прижавшись к сиденью, медленно опускался. Правая нога Цзян Чэна, залитая кровью, оказалась прямо перед его глазами. Цзян Чэн заметил его взгляд и, собрав последние остатки ясности в голове, сказал:

— Ничего страшного, всего лишь небольшая рана...

Он прижал правую руку, наконец освободившуюся из деформированного сиденья, к бедру и кивнул Гу Шэну.

Гу Шэн, казалось, совершенно не беспокоился о его травмах, наклонился, открыл левую дверь и ждал, пока Цзян Чэн сам подтянется к ней, волоча раненую ногу.

— Я сосчитаю до трёх, и мы выпрыгнем. Ты сам решай, что делать, — Гу Шэн сжал губы, положил правую руку на правую дверь, глубоко вздохнул и низким голосом скомандовал:

— Прыгай!

Тёмный автомобиль, зависший над рекой, внезапно содрогнулся, потерял равновесие, ударился о скалу дважды, и разбитая дверь отлетела на несколько метров, прежде чем машина с грохотом рухнула в реку Хуай, подняв столб мутной воды!

Брызги воды и две человеческие фигуры одновременно ударились о берег. Цзян Чэн не ожидал, что Гу Шэн скомандует прыгать сразу после слов, и опоздал на долю секунды. Затылок его ударился о дверь в момент, когда он вылетел из машины. Последняя воля к жизни выжала из его тела последние запасы адреналина, позволив ему временно игнорировать невыносимую боль. Неповреждённой правой рукой он ухватился за скалу и, подтянувшись, выбросил себя на берег вместе с брызгами воды!

Следующее, что он почувствовал, — это удар лбом о землю и хруст сломанного ребра. В его затуманенном кровью зрении появилась стройная фигура, приближающаяся к нему. Перед глазами потемнело, и он потерял сознание.

В промежутках Цзян Чэн смутно приходил в себя пару раз, ощущая, что всё вокруг него

качается и дрожит. Знакомое ощущение, казалось, было рядом, то приближаясь, то отдаляясь.

— ...Гу Шэн? — хрипло произнёс Цзян Чэн.

Молодой человек рядом ответил:

— Угу.

Цзян Чэн вдруг подумал, что это сон, что он уже упал с утёса и что всё в его голове нереально. Перед глазами было белое пространство, и, казалось, на земле остались только он и этот молодой человек.

Цзян Чэн снова спросил:

— Гу Шэн?

На этот раз ответа не последовало, и Цзян Чэн кивнул сам себе.

Конечно, как это возможно.

Он бы только обрадовался, если бы я умер. Как это может быть он?

В его неясном сознании промелькнула странная радость, будто бы его жалкий вид не был увиден тем человеком; и в то же время он чувствовал колющую, неопределённую, сильную и глубокую печаль и горечь, которые заставили его дыхание сплетаться с сожалением.

— Прости... Гу Шэн, прости, — он бессознательно бормотал.

Через долгое время из пустоты его сознания донёлся тихий звук...

— Угу.

Когда Цзян Чэн очнулся, первое, что он увидел, был Гу Шэн.

Гу Шэн сидел на стуле, медленно чистил яблоко, поднял веки, взглянул на него и, увидев, что тот очнулся, встал и пошёл к двери:

— Доктор Ян?

Цзян Чэн в ужасе поднял голову, но боль, словно рубанок, скользящий по затылку, заставила его остановиться. В комнату быстро вошёл мужчина, который выглядел моложе Ду Хани. Гу Шэн последовал за ним, облокотившись на дверной косяк, лениво откусывая яблоко и бесстрастно наблюдая, как этот доктор Ян возится с Цзян Чэном.

Цзян Чэн чувствовал, что издаваемые им звуки были не его собственными, и, скривившись, умоляюще посмотрел на Гу Шэна:

— Что происходит... Где я?

Позже Цзян Чэн услышал от студента-медика по имени Ян Сянь, что произошло.

Его привезли на телеге, на нём были проведены лишь самые простые меры первой помощи. Он потерял много крови, и его состояние было крайне тяжёлым. К счастью, его физическая форма была отличной, а доктор Ян оказался искусным врачом, и ему удалось вытащить Цзян Чэна с

края смерти.

А тот молодой человек, который привёз его, напротив, из-за старой болезни не выдержал такой интенсивной нагрузки, как ходьба против северного ветра более получаса. Когда он доставил Цзян Чэна, он выглядел нормально, но через мгновение рухнул на стул без сознания. Ян Сянь тут же велел измерить ему температуру и обнаружил, что у него постоянная субфебрильная лихорадка.

Цзян Чэн, услышав это, был глубоко тронут и чувствовал сильное сожаление, мысленно решив, что после всего этого он будет поклоняться Гу Шэну как божеству и ни в коем случае не позволит ему страдать.

Ян Сянь также упомянул, что они находятся в небольшой клинике, которую его семья открыла сама. Он учился медицине по семейной традиции, его отец изучал западную медицину, и он последовал по его стопам, а затем поступил в медицинский институт. Гу Шэн, когда его силы иссякли, только что добрался до перекрёстка в уезде Чанхуай, где его обнаружили местные жители, которые сразу же позвали на помощь.

По его словам, в то время группа молодых студентов как раз организовала в уезде Чан философский дискуссионный клуб, призывая людей знакомиться с новой культурой и новыми идеями, одновременно ходя по улицам и углубляясь в народ, чтобы просвещать тех, кто не знаком с этими новыми теориями, и заручиться поддержкой большего числа людей...

Цзян Чэн с презрением посмотрел на этого худощавого молодого человека и сказал:

— Ты ведь учишься на врача, верно? Зачем тебе это?

— Нет! Судьба страны — ответственность каждого! — Ян Сянь остановил свой воодушевляющий жест и нахмурился.

— О, — насмешливо сказал Цзян Чэн, — «Защита страны — это ответственность каждого простого человека», цитата из Гу Янью. Почему ты сейчас не говоришь, что это старая идея?

— Эй, ты! — Ян Сянь вскочил. — Эта фраза уже изменена! Ты должен идти в ногу со временем!

Цзян Чэн усмехнулся и хотел продолжить поддразнивать этого молодого человека, как вдруг за дверью кто-то тихо кашлянул. Ян Сянь обернулся и увидел Гу Шэна, который, облокотившись на дверной косяк, кивнул ему:

— ...Зачем ты ему это рассказываешь? Тётя Ли тебя ищет, иди быстрее.

Ян Сянь сначала хотел возразить, но, услышав последнюю часть фразы, тут же вскочил со стула, спросил, где она, и выбежал.

Гу Шэн сел на стул, который только что занимал Ян Сянь, и начал чистить яблоко.

Теперь он каждый день чистил себе яблоко, обычно делясь половиной с Цзян Чэном, что вызывало у последнего слёзы умиления. Если бы такая благодать могла продолжаться, Цзян Чэн был бы рад, если бы его рука сломалась ещё на десять дней. Затем он снова почувствовал глубокое сожаление из-за своей временной инвалидности, считая, что позволять Гу Шэну ухаживать за ним было непозволительно и что он должен поскорее выздороветь.

Цзян Чэн выпил воды, чтобы успокоиться, и спросил его:

— Почему ты сам не ушёл?

Гу Шэн поднял глаза и посмотрел на него:

— Возвращаю тебе долг.

Цзян Чэн цыкнул и, как всегда, начал говорить глупости, протянув неповреждённую правую руку, чтобы коснуться его лица:

— Эй, говорить так — это слишком негуманно. Сказать, что тебе жаль меня, не так уж стыдно...

Лицо Гу Шэна мгновенно окаменело, и холодное лезвие ножа легло на запястье Цзян Чэна:

— Если ты снова пошевелишься, веришь, что я отрежу тебе правую руку?

Его тон был спокоен, но в нём чувствовалась уверенность, что он выполнит своё обещание.

Цзян Чэн взглянул на него и, понимая, что сейчас он зависит от его милости, сдался:

— Ладно, ладно... Я уже думал, что умру, эх, ты не представляешь, когда я услышал, как ты это сказал, это было как будто... как будто с неба упал пирог и ударил меня по голове, я подумал, что сошёл с ума...

— Я не хочу быть тебе должен, — Гу Шэн протёр лезвие ножа о платок, отрезал половину яблока и протянул Цзян Чэну, спокойно глядя на него.

Цзян Чэн замер:

— Ты мне ничего не должен... что?

Он долго думал, но вспомнил только свои поступки по отношению к Гу Шэну и чувствовал, что он сам был негодяем, и только он был должен Гу Шэну, а не наоборот. Хотя, по мнению Цзян Чэна, Гу Шэн был должен ему немного любви, но это звучало несерьёзно, и он так и не понял, что имел в виду Гу Шэн.

<http://bllate.org/book/16144/1445785>